

Людмила Серебрякова

Когда молчат колокола

Людмила Серебрякова
Когда молчат колокола

«Автор»

2026

Серебрякова Л.

Когда молчат колокола / Л. Серебрякова — «Автор», 2026

Красивая история о любви, которая не смотрит в зеркало. О тишине, которая громче любого колокола. О рыжей девушке со шрамами на руках и о хромом звонаре, который триста лет ждал, когда кто-то не испугается его лица.

© Серебрякова Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Серебрякова

Когда молчат колокола

Глава 1 ПРОЛОГ. ТОТ КТО ОСТАЛСЯ

«Говорят, колокола поют для живых. А для мёртвых они молчат. Но это неправда.»

Он родился в год, когда умер последний дракон. Мать оставила его на паперти собора, закутав в мешковину. В записке было одно слово: *«Простите»*.

Монахи назвали его Мартином — в честь святого, который разрезал плащ и отдал половину нищему. Они думали, что это будет красивой историей. Но вышло иначе.

Мартин рос кривым. Позвоночник скрутило в детстве от болезни, которую лечили молитвами и кровопусканием. Левое плечо смотрело в небо, правое — в землю. Пальцы на правой руке срослись так, что он вечно держал воображаемую чашу. Когда он шёл, шаги его были почти бесшумны — потому что он сильно припадал на левую ногу и ставил её осторожно, как воруют яблоки.

Мальчишки кидали в него камнями. Девушки крестились, когда он проходил мимо. Даже нищие отворачивались — им казалось, что он приносит неудачу.

Только старый звонарь, отец Ансельм, однажды сказал: — Ты не урод, Мартин. Ты просто собран из другой красоты. Её никто не учил различать.

Отец Ансельм научил его звонить в колокола. Научил различать двенадцать оттенков тишины между ударами. Научил, что самый грустный звук на свете — не плач и не стон, а *молчание колокола*, который должен был звонить, но не зазвонил.

— Это звук неслучившегося чуда, — говорил старик. — Запомни его. Он пригодится.

Ансельм умер через семь лет. Мартин похоронил его на кладбище забытых имён — других денег у него не было. И остался совсем один.

Тогда в его жизнь пришёл кот. Чёрный, гладкошёрстный, с порванным ухом и жёлтыми глазами, которые смотрели так, будто знали все тайны мира и ещё пару своих собственных.

— Ты кто? — спросил Мартин.

— Сократ, — ответил кот.

— Ты меня назвал. Вчера во сне.

— Я сплю?

— Нет. Но очень похоже. Ты три дня ничего не ел. Иди поешь, а потом поговорим о смысле жизни. Хотя его нет, но это не повод умирать.

С тех пор прошло триста лет.

Мартин не старел. Колокола не объяснили почему — может, это было проклятие, может, благословение, а может, он просто забыл умереть. Каждую ночь он вязал нити для тех, кто уходил. Каждую ночь слушал чужие исповеди. Каждую ночь смотрел на долину оттуда, где горят звёзды, и вспоминал ту, которую не смог спасти.

— Ты опять о ней? — спрашивал Сократ, потягиваясь на подоконнике.

— Нет.

— Врёшь. Твоя грудь издавала звук, похожий на умирающую гармонию. Это называется вздох. И он у тебя один на триста лет.

— Отстань.

— Хорошо. Тогда просто отмечу, что твой уровень меланхолии превышает норму котов в период линьки. А мы, знаешь ли, философски устойчивы.

Мартин не ответил. Сократ спрыгнул с подоконника, подошёл, потёрся о его скрюченную ногу и тихо сказал:

— Знаешь, почему я остался с тобой на триста лет?

— Потому что я кормлю тебя рыбой.

— Это причина. А причина причины — ты всё ещё ждёшь. Не её. А чудо. Тот самый звук, который не случился. Ты думаешь, если дождёшься — колокола заговорят.

— Заткнись, Сократ.

— Не заткнусь. Я мудрый кот. А мудрый кот должен сказать глупому человеку одну вещь: она придёт. Не та, которую ты потерял. Другая. И ты испугаешься. Не её. Себя. Потому что вдруг окажется, что ты всё эти триста лет был не сторожем чужих душ, а просто трусом, который боялся шагнуть в собственную нить.

Мартин закрыл глаза. Колокола молчали. Тишина была густой, как старая смола. А где-то внизу, на Рынке Трёх Фонтанов, молодая женщина с рыжими волосами и шрамами на руках покупала нитки для починки плаща. И не знала, что через три дня она войдёт в этот собор. И тишина трёхсот лет прервётся.

«Иногда, чтобы колокола запели снова, нужно, чтобы кто-то очень грустный осмелился позвонить в них сам. Даже если руки кривые. Даже если никто не научил. Даже если страшно.»

ГЛАВА 1. НИТКИ ДЛЯ ПЛАЩА

Рынок Трёх Фонтанов просыпался медленно, как старый кот, который не уверен, стоит ли вообще вылезать из-за печи.

Серое небо только начинало розоветь над остроконечными башнями герцогского замка — те торчали из утреннего тумана, как пальцы мертвеца, молящего о погребении. Внизу, на площади, уже гремели телеги, ругалась торговка рыбой с торговкой зеленью, а мальчишка-подмастерье в засаленном фартуке тащил бочонок с мёдом и горланил что-то про весну и девиц, но без грубости — скорее глупое, чем непристойное, так что прохожие только посмеивались.

Эстель вышла из тени каменной арки, кутаясь в тёмно-синий плащ.

Она была высока — почти вровень с низкими дверями рынка, но не настолько, чтобы мужчины оглядывались. Просто держалась очень прямо, будто боялась, что если ссутулится — то упадёт. Плащ был старый, штопанный по краям, и на левом рукаве зияла свежая дыра: зацепилась о гвоздь на постоялом дворе. Эстель машинально прикрыла её ладонью и тут же одёрнула себя — бесполезно.

Рыжие волосы были собраны в тугий узел на затылке. Несколько прядей выбились и вились у висков, делая её лицо моложе, чем оно было на самом деле. А было оно усталым. Острые скулы, тонкие губы, под глазами — синева, как у тех, кто не спит третью ночь подряд. Не от работы. От того, что боится закрыть глаза.

Она не смотрела по сторонам, но всё замечала. Это была старая привычка — привычка человека, который слишком долго ждал нападения с той стороны, откуда никто не ждёт.

Слева у фонтана сидела нищенка с пустым взглядом. Она перебирала чётки, но губы не шевелились — давно забыла молитвы. Эстель бросила ей две медные монеты, не глядя, и пошла дальше. Нищенка не поблагодарила. Эстель и не ждала.

Лавка старухи с нитками пряталась между мясным рядом и лавкой горшечника, в том месте, куда солнце заглядывало только в полдень. Старуха уже разложила товар на грубой мешковине: катушки с нитками всех цветов, иглы в войлочном свёртке, пуговицы из рога и кости. Сама она сидела на перевёрнутом ящике, поджав под себя ноги, и сморкалась в подол — грязно, с хлюпаньем.

Эстель остановилась.

— Синие нужны, — сказала она. — Под цвет.

Старуха подняла голову. Бельмо на левом глазу смотрело в одну сторону, правый — в другую, но взгляд всё равно был цепким, как у ящерицы.

— Синие? — переспросила она голосом сухим, как треснувшая земля. — На что?

— Плащ зашить.

— Плащ? — старуха усмехнулась. — Плащ зашить можно и дырявой иглой. Ты за другим пришла, дочка. Я таких лиц не забываю. У тебя взгляд человека, который ищет не дорогу.

Эстель молчала. Она не любила, когда в ней читали.

Пальцы старухи, грязные, с чёрными ногтями, перебирали катушки, но нужных синих не давали. Вместо этого она вдруг вытащила моток ярко-красных ниток — таких красных, что казалось, они светятся изнутри, как капли крови на снегу.

— Это что? — спросила Эстель, хотя уже знала ответ.

— Это тебе, дочка. Бесплатно.

— У меня нет ничего красного.

— Будет. — старуха наклонилась ближе, и от неё пахло кислой капустой и ладаном. — Красные нитки — для того, что зашивать нельзя. Для дыр в судьбе. Для разрывов, которые клеем не склеишь, иглой не зашьёшь, молитвой не заговоришь. Возьми. Отдашь, когда встретишь того, кто научит тебя плакать без боли.

Эстель хотела отказаться. Но пальцы сами сжали моток.

Шерсть оказалась мягкой, не колючей, и пахла лавандой — хотя откуда в этом городе, где даже трава растёт серая, лаванда? Она сунула моток в карман плаща и положила на прилавок монету — больше, чем стоили синие нитки.

— Сдачи не надо.

— Я и не даю, — ухмыльнулась старуха. — Удачи тебе, дочка. Только помни: судьба — она как нитка. Можно порвать, можно завязать узлом, а можно просто перестать дёргать. И тогда всё само распутается.

Эстель развернулась и пошла прочь. Она не обернулась, но услышала, как старуха тихо сказала в пустоту:

— Прощай, дочка. Ты ещё вернёшься. Но уже другая.

Рынок кончился внезапно, как песня, оборванная на полуслове.

Эстель поднималась по узкой улочке к собору. Здесь было тише — мостовая из крупного булыжника, дома плотно прижаты друг к другу, окна маленькие, с решётками. На одном из домов висела вывеска: «Гробовщик и товарищество ночных сторожей». Под ней кто-то приписал углём: «Гробы оптом и в розницу. Своим — скидка».

Она замедлила шаг.

Собор Святой Нити стоял на вершине холма, огромный, серый, как скала, из которой его вырубили. Три шпиля уходили в небо — средний был самым высоким, на нём ржавый флюгер в виде петуха жалобно скрипел на ветру. Двери дубовые, окованные железом, были закрыты. И колокола молчали.

Эстель остановилась.

Обычно в это время утра колокола звонили к заутрене. Даже в самой глухой деревне, даже в разграбленном городе — колокола звонили. Это был закон, который не нарушали даже во время чумы.

Но здесь была тишина.

Совершенная, пугающая тишина, в которой каждый звук казался преступлением: скрип её собственных сапог, стук сердца, даже дыхание — слишком громкое.

Она подняла голову.

И увидела его.

На колокольне, у самого края, где перила давно сгнили и их заменяли верёвками, стояла кривая тень. Сгорбленная фигура опиралась на костыль, плечи — одно выше другого, голова чуть набок, как у птицы, прислушивающейся к червяку под землёй.

Тень была неподвижна. Но когда глаза Эстель нашли её, тень медленно подняла руку.

Не помахала. Не сделала знак. Просто подняла — и так же медленно опустила, как будто здоровалась с кем-то, кого не видит, но чувствует.

«Это невозможно, — подумала Эстель. — Отсюда до колокольни сотня локтей. Он не мог меня разглядеть».

Но внутри что-то дрогнуло. Как колокольчик. Как предупреждение. Как та самая нота, которую слышишь только один раз в жизни — и никогда не забываешь.

Она отвела взгляд и быстро пошла дальше, на постоянный двор.

Дорога заняла всего десять минут, но Эстель успела передумать сотню мыслей.

«Ты ищешь помощи у того, кого называют Кривым Колоколом. Местные сказали — он пугает детей. А ещё говорят, что он может вытянуть из тебя вину, как нитку из ткани. Глупость? Конечно, глупость. Но ты не спала три ночи. А когда не спишь, даже глупости кажутся спасением».

Она вошла в комнату, скинула плащ на сундук, села на край кровати и закрыла лицо руками.

Моток красных ниток выпал из кармана и и остался лежать возле ножки стула. Эстель смотрела на него долго, не двигаясь.

Потом наклонилась, подняла, положила на подоконник.

— Лаванда, — сказала она вслух. — Откуда здесь лаванда?

Никто не ответил.

А наверху, в обители Брата Шороха, чёрный кот сидел на подоконнике и смотрел вниз, на улицу.

— Она тебя видела, — сказал кот.

Мартин не ответил. Он стоял у окна, вжавшись в стену так, чтобы его не было видно снаружи — хотя какая разница, если его тень уже выдали.

— Твоё дыхание изменилось, — продолжал кот. — Ты дышишь так, когда рядом появляется кто-то, кого можно спасти. Или кто спасёт тебя. Я ещё не понял.

— Отстань, Сократ.

— Не отстану. Она рыжая?

— да.

— Шрамы на руках?

— да.

— Несёт с собой проклятую нить? Красную?

Мартин обернулся. Его лицо — асимметричное, с запавшей левой щекой и выпирающей правой скулой — было бледным даже в утреннем свете.

— Откуда ты знаешь про красную нить? — спросил он тихо.

Сократ потянулся, зевнул, показав розовый язык, и неторопливо соскочил с подоконника. Колокольчик на его шее тихо звякнул — не тревожно, а скорее удивлённо.

— Я кот, Мартин. Мы всё знаем. Особенно то, чего ещё не случилось. — он подошёл к камину, где ещё тлели угли, и улёгся на старую овчину. — Она придёт. Сегодня или завтра. И попросит тебя о том, чего ты не умеешь делать.

— О чём?

— Попросит сказать ей, что она не чудовище. А ты не умеешь врать.

Мартин закрыл глаза. Его скрюченная правая рука, вечно сжатая, будто держит воображаемую чашу, потянулась к длинной нити, протянутой от стены до стены. Нить была вся в узелках — каждый узелок был чьей-то историей, чьим-то горем, чьим-то так и не сказанным «прости».

— Я не хочу никого спасать, — сказал он.

— Конечно, не хочешь. — Сократ прикрыл глаза, но его жёлтый зрачок всё ещё светился из-под века. — Ты триста лет ждал, когда кто-то спасёт тебя. А теперь боишься, что это случится.

Колокольня молчала.

Внизу, на улице, мальчишка затынул песню про весну и любовь — глупую, но чистую. Ветер доносил обрывки: *«а когда я встретил ту, у которой глаза как небо, я понял, что дом — это не стены, а тот, кто ждёт»*

Мартин открыл глаза.

Он смотрел на пустую скамью напротив — на ней никто не сидел уже триста лет. Но сегодня ему показалось, что на старых досках лежит чей-то невидимый плащ. Тёмно-синий. С дырой на рукаве.

— Приходи, — прошептал он одними губами. — Только не бойся. Я не кусаюсь. Я просто очень устал быть один.

Сократ тихо, одними усами, улыбнулся.

— Ну вот, — сказал он сам себе. — А говорил «не хочу никого спасать».

В кармане Этель, рядом с засохшим кленовым листом, который она хранила семь лет, красные нитки тихо пахли лавандой. Она так и не выбросила этот лист. Он рассыпался бы в пыль от одного прикосновения — но она никогда не прикасалась. Просто носила с собой. Как напоминание. Как доказательство. Как последний кусочек того, кто сказал ей однажды: «Ты не чудовище. Ты просто очень устала быть сильной» А потом замолчал навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.